



ОГНЕВУШКА-ПОСКАКУШКА

Сидели раз старатели круг огонька в лесу. Четверо больших, а пятый парнишечко. Лет так восьми. Не больше. Федюнькой его звали.

Давно всем спать пора, да разговор занятный пришёлся. В артелке, видишь, один старик был. Дедко Ефим. С молодых годов он из земли золотую крупку выбирал. Мало ли каких случаев у него бывало. Он и рассказывал, а старатели слушали.

Отец уж сколько раз говорил Федюньке:

— Ложился бы ты, Тюньша, спать!

Парнишечку охота послушать.

— погоди, тятенька! Я маленечко ещё посижу.

Ну, вот... Кончил дедко Ефим рассказ. На месте костерка одни угольки остались, а старатели всё сидят да на эти угольки глядят.

Вдруг из самой серединки вынырнула девчоночка махонькая. Вроде куклёнки, а живая. Волосёнки рыженькие, сарафанчик голубенький и в руке платочек, тоже столуба.

Поглядела девчонка весёлыми глазками, блеснула зубёнками, подбоченилась, платочком махнула и пошла плясать. И так у ней легко да ловко выходит, что и сказать нельзя. У старателей дух захватило. Глядят — не наглядятся, а сами молчат, будто задумались.

Девчонка сперва по уголькам круги давала, потом — видно, ей тесно стало, — пошире пошла. Старатели отодвигаются, дорогу дают, а девчонка как круг пройдёт, так и подрастёт маленько. Старатели дальше отодвинутся. Она ещё круг даст и опять подрастёт. Когда вовсе далеко отодвинулись, девчонка по промежуткам в охват людей пошла — с петлями у ней круги стали. Потом и вовсе за людей вышла и опять ровненько закружилась, а сама уже ростом с Федюньку. У большой сосны остановилась, топнула ножкой, зубёнками блеснула, платочком махнула, как свистнула:

— Фи-т-ть-й-ю-ю-у...

Тут филин заухал, захохотал, и никакой девчонки не стало. Кабы одни большие сидели, так, может, ничего бы дальше и не случилось. Каждый, видишь, подумал: «Вон до чего на огонь загляделся! В глазах зарябило... Неведомо что померещится с устатку-то!»

Один Федюнька этого не подумал и спрашивает у отца:

— Тятя, это кто?

Отец отвечает:

— Филин. Кому больше-то? Неуж не слыхал, как он ухает?

— Да не про филина я! Его-то, поди-ка, знаю и ни капельки не боюсь. Ты мне про девчонку скажи.

— Про какую девчонку?

— А вот которая на углях плясала. Ещё ты да и все отодвигались, как она широким кругом пошла.

Тут отец и другие старатели давай доспрашивать Федюньку, что он видел. Парнишечко рассказал. Один старатель ещё спросил:

— Ну-ко, скажи, какого она росту была?

— Сперва-то не больше моей ладошки, а чуть не с меня ростом стала.

Старатель тогда и говорит:

— А ведь я, Тюньша, точь-в-точь такое же диво видел.

Федюнькин отец и ещё один старатель это же сказали. Один дедко Ефим трубочку сосёт и помалкивает. Старатели приступить к нему стали:

— Ты, дедко Ефим, что скажешь?

— А то и скажу, что это же видел, да думал — померещилось мне, а выходит — и впрямь Огневушка-Поскакушка приходила.

— Какая Поскакушка?

Дедко Ефим тогда и объяснил:

— Слыхал, дескать, от стариков, что есть такой знак на золото — вроде маленькой девчонки, которая пляшет. Где такая Поскакушка покажется, там и золото. Не сильное золото, зато грудное, и не пластом лежит, а вроде редьки посажено. Сверху, значит, пошире круг, а дальше всё меньше да меньше и на нет сойдёт. Выроешь эту редьку золотого песку — и больше на том месте делать нечего.

Только вот забыл, в котором месте ту редьку искать: то ли где Поскакушка вынырнет, то ли где она в землю уйдёт.

Старатели и говорят:

— Это дело в наших руках. Завтра пробьём дудку сперва на месте костерка, а потом под сосной испробуем. Тогда и увидим, пустяшный твой разговор или всамделе что на пользу есть.

С этим и спать легли. Федюнька тоже калачиком свернулся, а сам думает: «Над чем это филин хохотал?»

Хотел у дедка Ефима спросить, да он уже похрапывать принялся.

Проснулся Федюнька на другой день позднеенько и видит — на вчерашнем огневище большая дудка вырыта, а старатели стоят у четырёх больших сосен и все говорят одно:

— На этом самом месте в землю ушла.

Федюнька закричал:

— Что вы! Что вы, дяденьки! Забыли, видно! Вовсе Поскакушка под этой вот сосной остановилась... Тут и ножкой притопнула.

На старателей тут сомненье пришло.

— Пятый пробудился — пятое место говорит. Был бы десятый — десятое бы указал. Пустое, видать, дело. Бросить надо.

Всё ж таки на всех местах испытали, а удачи не вышло. Дедко Ефим и говорит Федюньке:

— Обманное, видно, твоё счастье.

Федюньке это нелюбо показалось. Он и говорит:

— Это, дедо, филин помешал. Он наше счастье обухал да обхохотал.

Дед Ефим своё говорит:

— Филин тут — не причина.





— А вот и причина!

— Нет, не причина!

— А вот и причина!

Спорят так-то вовсе без толку, а другие старатели над ними да и над собой смеются:

— Старый да малый, оба не знают, а мы, дураки, их слушаем да дни теряем.

С той вот поры старика и прозвали Ефим Золотая Редька, а Федюньку — Тюнька Поскакушка.

Ребятишки заводские узнали, проходу не дают. Как увидят на улице, так и заведут:

— Тюнька Поскакушка! Тюнька Поскакушка! Про девчонку скажи! Скажи про девчонку!

Старику от прозвища какая беда? Хоть горшком назови, только в печку не ставь.

Ну а Федюньке по малолетству обидно показалось. Он и дрался, и ругался, и ревел не раз, а ребятишки пуще того дразнят. Хоть домой с прииска не ходи. Тут ещё перемена жизни у Федюньки вышла. Отец-то у него на второй женился. Мачеха попалась, прямо сказать, медведица. Федюньку и вовсе от дома отшибло.

Дедко Ефим тоже не часто домой с прииска бегал. Намается за неделю, ему и неохота идти, старые ноги колотить. Да и не к кому было. Один жил.

Вот у них и повелось. Как суббота, старатели домой, а дедко Ефим с Федюнькой на прииске останутся.



Что делать-то? Разговаривают о том, о другом. Дедко Ефим рассказывал побывальщины разные, учил Федюньку, по каким логам золото искать и протча тако. Случалось, и про Поскакушку вспомнят. И всё у них гладко да дружно. В одном сговориться не могут. Федюнька говорит, что филин всей неудаче причина, а дедко Ефим говорит — вовсе не причина.

Раз так-то заспорили. Дело ещё на свету было, при солнышке. У балагана всё-таки огонёк был — от комаров курево. Огонь чуть видно, а дыму много. Глядят — в дыму-то появилась махонькая девчонка. Точь-в-точь такая же, как тот раз, только сарафанчик потемнее и платок тоже. Поглядела весёлыми глазками, зубёнками блеснула, платочком махнула, ножкой притопнула и давай плясать.

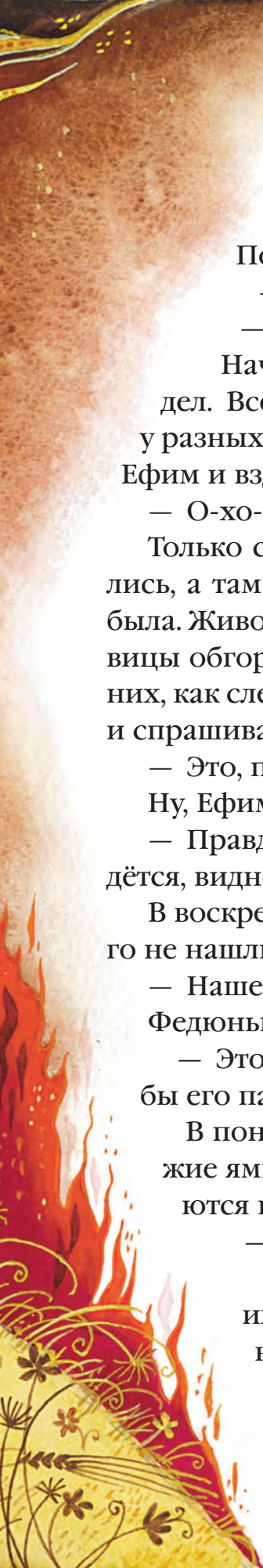
Сперва круги маленькие давала, потом больше да больше, и сама подрастать стала. Балаган на пути пришёлся, только это ей не помеха. Идёт, будто балагана и нет. Кружилась-кружилась, а как ростом с Федюньку стала, так и остановилась у большой сосны. Усмехнулась, ножкой притопнула, платочком махнула, как свистнула:

— Фи-т-ть-й-ю-ю-у...

И сейчас же филин заухал, захохотал. Дедко Ефим подивился:







— Откуда филину быть, коли солнышко ещё не закатилось?

— Видишь вот! Опять филин наше счастье спугнул. Поскакушка-то, может, от этого филина и убежала.

— А ты разве видел Поскакушку?

— А ты разве не видел?

Начали они тут друг дружку расспрашивать, кто что видел. Всё сошлось, только место, где девчонка в землю ушла, у разных сосен указывают. Как до этого договорились, так дедко Ефим и вздохнул:

— О-хо-хо! Видно, нет ничего. Одна это наша думка.

Только сказал, а из-под дёрна по балагану дым повалил. Кинулись, а там жердник под дёрном затлел. По счастью, вода близко была. Живо залили. Всё в сохранности осталось. Одне дедовы рукавицы обгорели. Схватил Федюнька рукавицы и видит — дырки на них, как следочки от маленьких ног. Показал это чудо дедку Ефиму и спрашивает:

— Это, по-твоему, тоже думка?

Ну, Ефиму податься некуда, сознался:

— Правда твоя, Тюньша. Знак верный — Поскакушка была. Придётся, видно, завтра опять ямы бить — счастье пытаться.

В воскресенье и занялись этим с утра. Три ямы вырыли — ничего не нашли. Дедко Ефим жаловаться стал:

— Наше-то счастье — людям смех.

Федюнька опять вину на филина кладёт:

— Это он, пучеглазик, наше счастье обухал да обхохотал! Вот бы его палкой!

В понедельник старатели прибежали из заводу. Видят — свежие ямы у самого балагана. Сразу догадались, в чём дело. Смеются над стариком-то:

— Редька редьку искал...

Потом увидели, что в балагане пожар начинался, давай их ругать обоих. Федюнькин отец зверем на парнишку накинулся, чуть не поколотил, да дедко Ефим застоял:

— Постыдился бы мальчонку сторожить! Без того он у тебя боится домой ходить. Задразнили да загрызли парнишка. Да и какая его вина? Я, поди-ко, оставался — с меня и спрашивай, коли у тебя урон какой случился. Золу, видно, из трубки высыпал с огоньком — вот и загорелось. Моя оплошка — мой и ответ.

Отчитал так-то Федюнькиного отца, потом и говорит парнишку, как никого из больших близко не было:

— Эх, Тюньша, Тюньша! Смеётся над нами Поскакушка. Другой раз случится увидеть, так ей в глаза надо плюнуть. Пускай людей с пути не сбивает да на смех не ставит!

Федюнька своё заладил:

— Дедо, она не со зла. Филин ей вредит.

— Твоё дело, — говорит Ефим, — а только я больше ямы бить не стану. Побаловался — и хватит. Немолодые мои годы — за Поскакушкой скакать.



Ну, разворчался старик, а Федюньке всё Поскакушки жаль.

— Ты, дедо, не сердись на неё! Вон она какая весёлая да хорошая. Счастье бы нам открыла, кабы не филин.

Про филина дедко Ефим промолчал, а на Поскакушку всё ворчит:

— То-то она счастье тебе открыла! Хоть домой не ходи.

Сколько ни ворчит дедко Ефим, а Федюнька своё:

— А как она, дедо, ловко пляшет!

— Пляшет-то ловко, да нам от этого ни жарко ни холодно и глядеть неохота.

— А я бы хоть сейчас поглядел! — вздохнул Федюнька. Потом и спрашивает: — А ты, дедо, отворишься? И поглядеть тебе не любо?

— Как не любо? — проговорился дедко, да спохватился и давай опять строжить Федюньку: — Ох и упорный ты парнишко! Ох и упорный! Что в головёнку попало, то и засело! Будешь вот, что моё же дело, — всю жизнь мыкаться, за счастьем гоняться, а его, может, вовсе и нету.



— Как нету, коли я своими глазами видел.

— Ну, как знаешь, а я тебе не попутчик! Набегался. Ноги заболели.

Поспорили, а дружбу вести не перестали. Дедко Ефим по работе сноровлял¹ Федюньке, показывал, а в свободный час о всяких случаях рассказывал. Учил, значит, как жить-то надо. И самые весёлые у них те дни были, как они вдвоём на приiske оставались.

Зима загнала старателей по домам. Рассовал их приказчик до весны по работам, куда пришлось, а Федюнька по малолетству дома остался. Только ему дома-то несладко. Тут ещё новая беда пришла: отца на заводе покалечило. В больничную казарму его унесли. Ни жив ни мёртв лежит. Мачеха и вовсе медведицей стала — загрызла Федюньку. Терпел он, терпел, да и говорит:

— Пойду, нето, я к дедку Ефиму жить.

А мачехе что?

— Провались ты, — кричит, — хоть к Поскакушке своей.

Надел тут Федюня пимишки², шубейку-ветродуйку покромкой покрепче затянул. Хотел отцовскую шапку надеть, да мачеха не дала. Натянул тогда свою, из которой давно вырос, и пошёл.



¹ Сноровлять — помогать.

² Пимишки, пимы — здесь: валенки.



На улице первым делом парнишки налетели, дразниться стали:
— Тюнька Поскакушка! Тюнька Поскакушка! Скажи про девочку!

Федюня знай идёт своей дорогой. Только и сказал:

— Эх вы! Несмыслёныши!

Ребятам что-то стыдно стало. Они уж вовсе по-доброму спрашивают:

— Ты куда это?

— К дедку Ефиму.

— К Золотой Редьке?


— Кому Редька — мне дедко.

— Далеко ведь! Ещё заблудишься.

— Знаю, поди-ко, дорогу.

— Ну, замёрзнешь. Вишь, стужа какая, а у тебя и рукавиц нет.

— Рукавиц нет, да руки есть, и рукава не отпали. Засуну руки в рукава — только и дела. Не догадались!



Ребятам занятно показалось, как Федюнька разговаривает, они и стали спрашивать по-хорошему:

— Тюньша! Ты правда Поскакушку в огне видел?

— И в огне видел, и в дыму видел. Может, ещё где увижу, да рассказывать недосуг, — сказал Федюнька, да и зашагал дальше.

Дедко Ефим то ли в Косом Броду, то ли в Северной жил. На самом выезде, сказывают, избушка стояла. Ещё перед окошком сосна бортевая росла. Далёконько всё ж таки, а время холодное — самая середина зимы. Подзамёрз наш Федюнюшка. Ну, дошагал всё ж таки. Только ему за дверную скобку взяться, вдруг слышит:

— Фи-т-ть-й-ю-ю-у...

Оглянулся — на дороге снежок крутится, а в нём чуть метлесит клубочек, и похож тот клубочек на Поскакушку. Побежал Федюня поближе разглядеть, а клубочек уж далеко. Федюня за ним, он того дальше. Бежал-бежал за клубочком, да и забрался в незнакомое место. Глядит — пустоплесье¹ какое-то, а кругом лес густой. Посредине пустоплесья берёза старая, будто и вовсе неживая.

Снегу около неё намело гора-горой. Клубочек подкатился к этой берёзе да вокруг неё и кружится.

Федюнька в азарте-то не поглядел, что тут и тропочки нет, полез по цельному снегу.

«Сколько, — думает, — бежал, неуж спятиться!»

Добрался-таки до берёзы, а клубочек и рассыпался. Снеговой пылью Федюньке в глаза брызнул.

Чуть не заревел от обиды Федюнька. Вдруг у самой его ноги снег воронкой до земли протаял. Видит Федюнька — на дне-то воронки Поскакушка. Весёленько поглядела, усмехнулась ласково,

¹ Пустоплесье — открытое место среди леса.



